

«ТАНЯ. ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ»

ЕЛЕНА ЧОУ

18+

Елена Сноу

Таня. Двойная жизнь

<https://litres.ru/73980886>

SelfPub; 2026

Аннотация

Петербург, 1999. Днём Таня — отличница философского. Вечером — эскорт. Два пакета в рюкзаке: конспекты по Канту и кружевное бельё. Она не прошла на бюджет, и Алиса дала ей шанс: триста долларов в семестр, никаких эмоций, только контроль.

Но однажды чей-то взгляд замечает трещину между «там» и «здесь». И мир, разделённый надвое, начинает рушиться.

Это не история падения. Это история о цене выживания — и о том, можно ли собрать себя заново, если годами учился не чувствовать.

В книге: роман (12 глав), терапевтический дневник с вопросами, стихотворный цикл и послесловие психолога.

Для тех, кто когда-либо жил двойную жизнь.

Содержание

Как читать эту книгу	4
Предисловие автора	5
Часть I. Двойная жизнь	6
Глава 1. Там, где я перестаю быть собой	6
Глава 2. Подруга, которая не спасёт	15
Глава 3. Тело, которое ничего не чувствует	24
Глава 4. Взгляд, который длился	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Таня. Двойная жизнь

Как читать эту книгу

Несколько слов перед тем, как вы начнете

«Таня. Двойная жизнь» — это не детектив, не любовный роман и не «книга-исцеление» в привычном смысле. Текст написан сжато, ритмично, но я советую вам читать не спеша — по главе в день, давая себе время и позволяя отозвавшемуся побыть внутри.

Особенно это касается Части II. Дневник читателя. Она не обязательна, но без неё книга будет неполной. Вопросы и практики — не тест, их не нужно «сдавать». Это инструменты, которые могут помочь вам услышать себя. Если какой-то вопрос кажется слишком личным — пропустите. Если практика вызывает сильные чувства — закройте книгу, выпейте воды, вернитесь, когда будете готовы.

Что можно делать во время чтения: делать пометки на полях, записывать мысли, обсуждать с тем, кому доверяете, останавливаться после сильных сцен.

Чего не стоит делать: стыдить себя за свои чувства, сравнивать свою боль с Таниной, требовать от себя быстрого «исцеления».

Эта книга не даст готовых решений. Она даст компанию. Таня идёт по мосту — вы идёте рядом.

Предисловие автора

Я не спасаю Таню. Я не осуждаю её. Я просто даю ей слово — и иду рядом, пока она учится не прятаться.

Эта книга написана от первого лица. Всё, что вы почувствуете, читая её, — правда тела, а не оценка морали. Если вам когда-нибудь казалось, что вы живёте две жизни, — возможно, вы встретите здесь себя.

Действие происходит в Петербурге конца девяностых. Это важно. Время, когда шанс на будущее иногда оплачивался тем, о чём не принято говорить. Я старалась передать дух эпохи — не через ностальгию, а через детали, запахи, звуки.

Таня не ищет вашего сочувствия. Она просто делает то, что должна.

Часть I. Двойная жизнь

Глава 1. Там, где я перестаяю быть собой

Я иду по мосту.

*В рюкзаке два
пакета.*

*В одном — Кант, сорок
страниц,
прошитых степлером в трёх
местах.*

*Во втором — кружево,
размер
меньше моего настоящего.*

Сентябрь 1999 года

Утро пахнет мокрым асфальтом и прелыми листьями. С Невы тянет йодом и ржавчиной — запах портовой воды, который въедается в одежду и остаётся на коже, даже если не прикасаться к перилам. Где-то на Среднем проспекте тарактит «Икарус», выпуская клуб чёрного дыма, и дым этот оседает на тротуарах жирной плёнкой. Чайки орут над мостом истошно, будто их режут, а снизу, с воды, доносится низкий гудок буксира — долгий, хрипловатый, как кашель старика.

Я не вздрагиваю. Я привыкла.

Я иду по мосту. Вода внизу чёрная, тяжёлая, как масло. Солнце низкое, но пока греет — по-осеннему, слабо, как через двойное стекло. С Финского залива дует ветер — не холодный ещё, но уже настойчивый, пробирается под шарф, трогает ключицы. Под ногами — гранитная крошка, мелкие лужицы после ночного дождя. Трамвайные пути блестят. Я не ускоряю шаг. Я никогда не ускоряю шаг на мосту.

Я знаю, что будет, если ускорить. Сначала собьётся ритм. Потом я неправильно отвечу на семинаре, потом опоздаю на встречу — и всё посыплется, как домино, которое я строила с семи лет. Он разозлится. Конверт не будет полным. Я не заплачу за семестр. Мама заплачет — второй раз, но теперь не от радости. Я обрываю мысль. Не ускоряю шаг. Так надо.

В рюкзаке два пакета. В одном — конспект по истории философии, тридцать страниц, прошитых степлером. Во втором — бельё. Кружевное, узкое, на размер меньше моего настоящего. Я заворачиваю его в отдельный пакет, всегда один и тот же, плотный, из книжного магазина на Литейном. Он серый, не прозрачный. Это важно.

Я проверяю шов пальцами — привычка, уже автоматическая. Провожу по краю, от уголка к уголку. Шов целый. Кружево внутри жёсткое, накрахмаленное, ещё ни разу не стиранное. Я купила его на деньги из второго конверта. Размер меньше моего настоящего, но это не важно — я всё равно не ношу его долго. Если шов когда-нибудь разойдётся, кон-

спект и бельё встретятся. Я знаю это. Но белью всё равно.

Я выбрала этот пакет в августе. Зашла в книжный на Литейном, ещё не зная, понадобится ли он мне. Ходила между стеллажами, трогала корешки. Кант, Гегель, Маркс — все в твёрдых обложках, не по карману. Купила тонкую брошюру про диалектику, и продавщица положила её в серый пакет с логотипом — раскрытая книга и чернильница. Я вышла на улицу, посмотрела на пакет и поняла: подойдёт. Не просвечивает. Не рвётся. Не привлекает внимания. Теперь я заворачиваю бельё только в такой. Если порвётся — куплю новый у той же продавщицы. Она уже узнаёт меня: «Опять брошюру?» Я киваю. Она не знает, что я выбрала её магазин не из-за книг.

Я прохожу мост до середины. Здесь ветер сильнее — дует с залива, но пока не холодный, просто свежий. Пахнет водой и ржавчиной. Я не ускоряю шаг. Утром иду на пары — медленно, ровно. Вечером иду на встречу — тоже медленно, тоже ровно. Между ними — мост. Я перехожу его дважды в день. Это мой шлюз.

Кант считал, что человек не должен быть средством. Я не спорю с Кантом. Я просто застёгиваю рюкзак.

В прошлом году я не прошла на бюджет. Стояла у списков в коридоре приёмной комиссии, водила пальцем по строчкам — моей фамилии не было. За окном был август, жара, на Невском пахло жареными пирожками и соляжкой. Мама ждала звонка. Я вышла на улицу, села на скамейку у входа.

Час. Потом в буфете встретила Алису. Мы разговорились в очереди. Она была старше, яркая, пахла духами — приторными, сладкими. Спросила, что случилось. Я сказала. Она кивнула, достала из сумки ручку, написала номер на бумажной салфетке. «Если захочешь остаться в Питере — позвони. Это шанс». Я позвонила через неделю.

Потом был первый конверт. Алиса вложила его мне в руку — пальцы у неё были холодные, несмотря на сентябрь. Хруст купюры. Её духи ударили в нос — приторные, сладкие, от них першило в горле. «Теперь ты можешь купить себе что-то. Не маме. Себе». Я взяла конверт и подумала: «Почему у неё такие холодные пальцы?» — и тут же одёрнула себя: «Не смей. Она помогает тебе». Я купила шарф. Не из радости. Просто чтобы что-то грело.

Сегодня пятница. В пятницу у меня семинар по философии в десять, а в восемь вечера — клиент в отеле на Васильевском. Я успеваю и туда, и туда. У меня всегда есть запас. Я рассчитываю время с точностью до минуты. Это работает. И пока это работает, вопросов нет.

На середине моста я останавливаюсь. Это тоже часть правила. Кладу руки на перила. Чугун ещё не ледяной — сентябрь, — но уже холодный. Где-то внизу идёт вода. Тяжёлая, чёрная, беззвучная.

Я знаю цену деньгам. Знала с семи лет.

Рынок на окраине, 1992 год. Мама стоит за прилавком — раскладной стол, застеленный клеёнкой в цветочек. На кле-

ёнке — джинсы «Мальвина», варёные, с высокой талией, и пара футболок с Микки-Маусом. Я сижу под прилавком, на коробке из-под бананов. Пахнет пылью, переспелыми бананами и чужой обувью — резиной, кожей, мокрыми тряпками. Я смотрю на ноги. Ноги подходят, отходят, останавливаются. Туфли стоптанные. Кроссовки «Адидас» — редкость. Голоса гуляют над головой: «Почём джинсы?», «Бери, пока есть», «А пакет дадите?» Мама говорит быстро, громко, чужим голосом. Когда покупатель уходит, она замолкает. Я слышу, как она вздыхает — коротко, носом. У меня затекает шея — нельзя поднять голову, нельзя помешать. Я терплю.

Один раз она суёт мне под прилавок половинку «Сникерса» — липкую, в шоколадной крошке. Я ем и продолжаю следить за ногами. Думаю: «Вот что такое деньги. Это когда можно дать ребёнку шоколадку, а можно не дать».

Вечером мама пересчитывает купюры на кухне. Руки у неё красные, в трещинах. Она складывает рубли в одну стопку, доллары в другую. Долларов всегда мало. Я сижу рядом и молча считаю вместе с ней. Раз. Два. Три. На двадцати семи мама говорит: «Хватит. На метро и хлеб». Остальное — в конверт. Конверт лежит в жестяной банке из-под чая, за плитой. Я знаю, где он. Я никогда его не трогаю.

Когда я сказала маме, что поступила на бюджет и получаю стипендию, она заплакала. Первый раз за много лет. Я стояла и смотрела, как слёзы текут по её щекам. Молчала. Думала о том, что конверт за плитой, наверное, почти пуст. И что

мой конверт — в боковом кармане рюкзака — лежит ровно. Триста долларов. Плата за семестр. Я никогда не скажу ей, откуда они. Это тоже часть правила.

В кармане пальто — пейджер. Маленький, чёрный, Motorola, экран показывает девять тридцать две, и до пары ещё двенадцать минут, а до вечера — целая жизнь, которую я проживу дважды. Вчера Алиса скинула адрес отеля на Васильевском и время: «20:00». Я не могу ответить на пейджер. Чтобы подтвердить, нужен телефон-автомат. Я найду его после пар.

Я убираю руки с перил. Вода течёт. Мост стоит.

Поправляю шарф — и иду дальше. Рюкзак висит ровно, лямки не давят. Мост кончается. Я схожу с него. До корпуса семь минут.

У входа в университет висит расписание. Бумажка за стеклом, уголок загнулся. Аудитория 203, второй этаж. До пары ещё есть время. Я вхожу внутрь.

В вестибюле пахнет хлоркой — едкой, отдающей в нос химическим холодком, — и старой бумагой. Лампы дневного света гудят, одна моргает часто, с тихим цоканьем, как пейджер. Студенты толпятся у гардероба, галдят. Слышны обрывки разговоров: про сериал «Скорая помощь», про новых «Иванушек», про то, что в буфете кончились нормальные бутерброды, остались только с маргарином. Из приёмника на вахте тихо играет «Руки вверх» — про студентку, которая уезжает на каникулы.

Я снимаю пальто. Вешаю на крючок. Рюкзак оставляю при себе. Никогда не сдаю его в гардероб. Правило.

Поднимаюсь по лестнице. Ступени стёртые, бетонные, с железными набойками на краях. Перила деревянные, тёплые от чужих ладоней. Стены выкрашены в зелёный до середины — старый советский стандарт, — выше побелка, местами облупленная. Я иду медленно. До пары ещё десять минут.

В аудитории пусто. Пахнет мелом и мокрой тряпкой. Я сажусь на крайний ряд, у окна. Достая конспект. Ручку — простую, синюю, с обгрызенным колпачком. За окном — крыши, небо, ветка тополя. Листья зелёные, с желтизной по краям.

До этого было утро. Моё утро.

Я просыпаюсь в шесть. Комната — восемь квадратных метров, съёмный угол в коммуналке на Васильевском. Окно выходит во двор-колодец, и солнце сюда не заглядывает даже в полдень, только серый свет, который не греет. Стены оклеены старыми обоями в цветочек — такими же, как мамина клеёнка на рынке. Умывальник в углу, с потёртой эмалью и ржавым пятном вокруг слива. Кран подтекает. Я слышу, как капли считают секунды. Раз. Два. Три. Встаю до того, как они досчитают до ста.

Утренний ритуал всегда одинаковый. Вода из крана ледяная, газовая колонка не справляется по утрам — все соседи включают одновременно. Я умываюсь быстро, без мыла. Мыло сушит кожу. Вытираюсь своим полотенцем — жёст-

ким, с синей полосой. Зубная паста «Жемчуг» — дешёвая, в бело-голубом тюбике. Чищу зубы тщательно, считая до шестидесяти. На счёте тридцать два челюсть сводит от холода. Я продолжаю. Пятьдесят. Пятьдесят пять. Шестьдесят. Сплёвываю пасту. Рука на миг замирает, упираясь в край раковины. Три секунды. Раз, два, три. Всё. Дальше. В зеркало не смотрю. В зеркале — лицо, которое я не хочу видеть до того, как надену маску.

Завтрак: чай без сахара, хлеб с маргарином. Хлеб вчерашний, но это ничего. Я ем стоя, глядя в стену. На стене — трещина, идущая от розетки к потолку, извилистая, как русло реки. Я знаю её наизусть. Трещина не меняется. Это успокаивает.

Одеваюсь. Джинсы, свитер, пальто. Шарф — тот самый, купленный на первый конверт. Проверяю рюкзак. Конспект — на месте. Бельё — на месте. Шов между ними цел. Конверт в боковом кармане. Пейджер на поясе.

Выхожу из комнаты. В коридоре пахнет жареным луком и кошачьим туалетом. Соседка, тётя Рая, гремит кастрюлями на общей кухне. Она не спрашивает, куда я иду. Она вообще ни о чём не спрашивает. Это удобно.

Дверь подъезда хлопает за спиной — глухо, тяжело, с металлическим лязгом; и этот звук на секунду прибавляет меня к месту, потому что точно так же хлопала дверь нашей квартиры, когда мама уходила на рынок и я оставалась в тишине прихожей, где пахло старой обувью и почему-то яблоками,

хотя яблок у нас никогда не было. Секунда. Я выдыхаю и иду к мосту. Воздух пахнет мокрым асфальтом.

Каждое утро одно и то же.

Шов держит. Я держусь.

Глава 2. Подруга, которая не спасёт

— Ты удобная,

— сказала она.

— Удобных не
бросают.

Я запомнила.

Я всегда

запоминаю.

Сентябрь 1999 года

Мы встретились в кофейне на Васильевском, между парами. Шёл дождь — мелкий, сентябрьский, почти тёплый. Трамваи шли редко. Я вышла с запасом.

Я вошла раньше, чем мы договаривались. Алиса ещё не видела меня. Я на секунду задержалась у двери, поправляя шарф, и увидела её — настоящую, без маски.

Она сидела, ссутулившись, и быстро набирала сообщение. Брови сведены к переносице. Большим пальцем она ударила по кнопке отправки резче, чем нужно. Потом положила телефон экраном вниз — всегда так делала, когда не хотела видеть ответ. Взяла чашку, сделала глоток. Потом ещё один. Закрыла глаза — на три секунды. Я считала. Раз. Два. Три. Открыла. Лицо снова стало тем, которое я знала: спокойным, сытым, без сюрпризов.

Алиса сидела у окна, спиной к залу, и пила капучино из

высокой чашки. Когда я подошла, она не обернулась. Смотрела в телефон — Siemens, тяжёлый, с выдвижной антенной, — нажимала кнопки. Ноготь был длинный, покрытый тёмно-красным лаком. На безымянном — кольцо, тонкое, золотое. Не её стиль. Может, подарок. Может, забыла снять после встречи. Я не спросила.

В кофейне пахло растворимым кофе и корицей. На стене висели круглые часы. Они тикали громко, на всё помещение. За соседним столиком две женщины обсуждали цены на гречку. У одной в ухе — крупная серьга, золотая, с красным камнем, и когда она поправляла волосы, серьга звякала о трубку телефона-автомата, висевшего тут же, на стене. Я повесила пальто на крючок, села напротив. Алиса подвинула мне чашку. Американо, без сахара.

— Ты опоздала на четыре минуты, — сказала она, не поднимая глаз от экрана.

— Трамвай стоял на мосту.

— Врёшь. Ты пешком ходишь. Ты говорила.

Я не ответила. Отпила кофе. Он был горячий, обжигал нёбо. Я не поморщилась.

Алиса вдруг опустила телефон и посмотрела на меня — не так, как обычно, не с прищуром, а просто. Устало.

— Знаешь, что мне подарил вчерашний? — Она тронула мочку уха, где покачивалась серьга — длинная, с фальшивым изумрудом. — Вот это. Сказал: «Тебе идёт зелёный». Идиот. У меня глаза серые.

Я опустила взгляд на её руки. Позолота уже слезала у застёжки.

— Я их заложу, — сказала Алиса буднично. — В ломбард на Садовой. Там дают нормальную цену. Куплю сапоги на зиму. Мои прохудились.

— А если он спросит? — сказала я.

— Скажу, потеряла. — Она пожала плечами. — Они теряют нас. Мы теряем серьги. Всё честно.

Она снова взяла телефон. Я смотрела на неё. Она не выглядела расстроенной. Но в тот момент — может быть, из-за того, как она трогала мочку уха, — я впервые увидела трещину. Не в ней. В её броне. Тонкую, как волос. Я хотела спросить: «Ты когда-нибудь плачешь?» — и не спросила. Потому что если бы она ответила «да», всё бы сломалось.

Алиса отложила телефон экраном вниз и посмотрела на меня. У неё были светлые волосы, уложенные в низкий пучок, и брови, выщипанные в тонкую линию. Ей было двадцать три. Лицо спокойное, сытое, как у человека, который давно перестал ждать сюрпризов.

— Как прошло в четверг? — спросила она.

В четверг у меня был клиент. Пожилой, молчаливый, в дорогом костюме. Он заплатил ровно, без торга, и ушёл раньше времени. Я не запомнила его лица. Я никогда не запоминала лиц.

— Нормально, — сказала я.

— Нормально, — повторила Алиса с усмешкой. — Ты

всегда говоришь «нормально». Можно подумать, ты не в постели с мужиком, а сдала зачёт по физкультуре.

Я отпила ещё кофе. Горячо. Нёбо уже онемело.

Алиса достала из сумки пачку сигарет — «Parliament», мягкая пачка, — повертела в пальцах, но закуривать не стала. Здесь не курили, висела табличка. Она постучала пачкой по столу. Раз, другой. Потом убрала обратно.

— Слушай, есть клиент на субботу. Молодой. Нервный. Но платит хорошо. Очень хорошо. Я бы сама взяла, но он просит... — она сделала паузу, — ...тихую. Сказал, не любит, когда болтают. Я сразу про тебя подумала.

— Хорошо, — сказала я.

— Правда? Без вопросов? Без «а что за тип»?

— Ты сказала: платит хорошо. Этого достаточно.

Алиса засмеялась. Смех у неё был короткий, сухой, как кашель. Она откинулась на спинку стула и посмотрела на меня с любопытством.

— Ты странная, Таня. Ты вообще ничего не спрашиваешь. Ни про цену, ни про условия, ни про то, что он любит. Тебе правда всё равно?

Я пожала плечами.

— Какая разница?

— Работа есть работа, — передразнила Алиса. — Ты хоть раз называла это работой при ком-то? Кроме меня?

Я не ответила. Посмотрела на свою руку, сжимавшую чашку. Короткие ногти, заусенец на указательном пальце —

я сгрызла его утром, пока ждала звонка от Алисы. Пальцы сжались вокруг чашки сильнее, костяшки побелели. Я заставила их расслабиться. Чужая рука. Эта рука будет делать всё, что нужно. Я разрешу ей.

Алиса наклонилась вперёд, поставила локти на стол. Кофе в её чашке давно остыл, пенка осела, но она не пила.

— Ты думаешь, это можно отделить? Вот ты сидишь здесь, студентка, отличница, пьёшь американо. А вечером поедешь в отель. И ты правда считаешь, что это две разные женщины?

Я смотрела на неё. Глаза у неё были светлые, почти прозрачные. Ни злости, ни участия. Только любопытство.

— Это я, — сказала я. — Там — я. Здесь — я. Просто по-разному.

— Просто по-разному, — повторила она. — Ну-ну.

Она отвернулась к окну. За стеклом шёл дождь. Прохожие прятались под зонтами, перебегали дорогу, поднимали воротники. Дождь усиливался.

Потом Алиса снова повернулась ко мне, полезла в сумку и достала купюру. Сто долларов, старая, с Franklin'ом. Положила на стол между нами, прижала пальцем.

— Смотри сюда. — Она указала ногтём на край купюры. — Вот здесь, где воротник. Проведи пальцем. Чувствуешь? Шершавый. Если гладкий — фальшивка. Ещё на просвет: водяной знак. В настоящей портрет Франклина и водяной знак совпадают, а в фальшивой один темнее, другой светлее.

— Она замолчала. — Всё. Остальное не важно. Эти две проверки запомни. Руками. Не глазами. Клиент может выключить свет. Или ты будешь в баре, где темно. Или он положит деньги на тумбочку, и ты не захочешь включать лампу. Тогда проверяешь руками.

Я закрыла глаза. Провела пальцами по бумаге. Шершавая. Ребристая. Настоящая.

— Теперь вот эту. — Она достала из другого отделения ещё одну купюру, тоже сто долларов, и вложила мне в руку. — Это фальшивая. Мне впарили в прошлом году. Я тогда ещё не умела проверять.

Я закрыла глаза снова. Эта бумага была глаже. Воротник не чувствовался. Почти как обычная бумага.

— Поняла разницу?

— Да.

— Запомни руками. Не глазами. Руками.

Она забрала фальшивую купюру, убрала в сумку. Настоящую оставила лежать между нами.

— Эту оставь себе. Как эталон. Будешь сверяться.

— Зачем ты меня учишь? — спросила я.

Алиса посмотрела на меня долгим взглядом. Потом сказала:

— Потому что никто не научит. Кроме меня. Ты думаешь, это просто — лечь и встать? Нет. Это бизнес. В бизнесе тебя обманут при первой возможности. Я не хочу, чтобы тебя обманули. Ты пока слишком... целая.

— Целая?

— Почти целая. Это видно. — Она усмехнулась. — Но это временно.

Я смотрела на купюру. Портрет Франклина смотрел в сторону. Я провела пальцами по воротнику. Шершавый. Настоящий.

— А ты? — спросила я.

— Что я?

— Боишься?

Алиса замерла. Пауза. Потом она закурила, не обращая внимания на табличку, и выпустила дым в потолок.

— Я первая узнала, что такое деньги. Не от родителей. Не от парня. Сама. Мне было семнадцать, он был взрослый, заплатил пять тысяч. Пять тысяч. Я купила духи и туфли. И знаешь что?

Я молчала.

— Туфли давно выбросила. А духами пользуюсь до сих пор. — Она повернулась ко мне и улыбнулась — широко, но глаза остались прежними. — Вот так и живём. Туфли — в мусор, запах — на кожу.

Она не ответила на вопрос. Я не переспросила.

Она подозвала официанта, попросила счёт. Я полезла за кошельком, но Алиса махнула рукой:

— Я плачу. Ты же на мели. Вечно на мели, хоть и работаешь.

Мы вышли на улицу. Дождь хлестал по жестяному ко-

зырьку. Алиса раскрыла зонт — красный, яркий, с надломанной спицей, которая оттопыривалась вправо, делая его похожим на раненую птицу. Единственное цветное пятно на всей улице, и то дефектное. Я заметила это. Ничего не сказала.

Она шагнула ближе, под край зонта, и поправила мой воротник — резким, почти материнским жестом. Я почувствовала запах её крема для рук — аптечного, с мочевиной, которым пользуются те, кто моет руки по двадцать раз на дню. Запах был слабый, медицинский. И ещё — её духи. Приторные, сладкие. Теперь они останутся на моём пальто до вечера.

— В субботу в восемь. Адрес скину на пейджер, — сказала она. — И не опаздывай. Нервные клиенты — самые непредсказуемые.

— Я не опаздываю, — сказала я.

— Знаю. — Она отпустила мой воротник. — Поэтому и предлагаю тебе. Ты — удобная. Запомни это. Удобных не бросают. Удобным платят.

Она развернулась и пошла в сторону метро. Красный зонт покачивался над толпой, удаляясь. Сломанная спица всё ещё оттопыривалась. Я смотрела ей в спину, пока зонт не скрылся за поворотом, и на секунду мне показалось, что перед тем, как исчезнуть, она чуть замедлила шаг. Но может, просто ветер.

Я осталась стоять под козырьком. Капли стекали по же-

стояному откосу ровными струйками. Одна за другой. Я поправила лямку рюкзака и пошла на трамвай. До пар ещё сорок минут. Я успевала. Как всегда.

В трамвае пахло мокрой одеждой и сыростью. Я села у окна, прижалась лбом к холодному стеклу. За окном проплывали серые фасады, мокрые деревья, люди с поднятыми воротниками. От моего пальто пахло её духами — приторно, сладко. Я не снимала его, хотя в трамвае было тепло. Думала о фальшивой купюре, которая теперь лежала в моём кошельке, и о том, что у неё гладкий воротник. И о том, что у настоящей — шершавый. И о том, что Алиса не ответила на вопрос.

Я не знала, страшно мне или нет. Я вообще ничего не чувствовала. Просто сидела и считала остановки. Раз. Два. Три. Четыре. На пятой мне выходить. Я сбилась, начала заново. Раз.

Глава 3. Тело, которое ничего не чувствует

*Раз. Два. Три.
Горячая вода.
Кожа краснеет.
Я не
чувствую.
Я считаю.*

Сентябрь 1999 года

В субботу я вышла из дома в семь. До отеля на Васильевском двадцать минут пешком. Можно было трамваем, но трамвай означал ожидание на остановке под фонарём. Пешком — надёжнее. Шаги отмеряли время точнее колёс.

Алиса скинула адрес на пейджер утром: «ВАС 8 20:00». Василеостровская, дом восемь, восемь вечера. Я прочитала сообщение. Оделась и вышла.

Я шла по 8-й линии. Субботний вечер — редкие прохожие, в основном пары. Девушка в короткой куртке, смеётся, держит парня под руку. У неё розовый зонт — не красный, не сломанный, обычный. Она не смотрит на меня. Никто не смотрит. Я иду быстро, но не спешу. Опаздывать нельзя, но и приходить раньше — тоже. Приду раньше — буду ждать в холле или на улице. И то и другое плохо. В холле — администратор. На улице — кто угодно.

Я рассчитываю время так, чтобы подойти к дверям ровно в восемь. Не раньше, не позже. Это часть правила.

На углу 8-й линии и Среднего — вывеска. Розовая, с неоновым, который ещё не зажгли. «Интим-салон». Витрина задёргнута, но сквозь щель в шторе видно манекен в кружевном белье. У манекена нет головы. Я смотрю на него секунду. Думаю: «Никогда туда не зайду. Не из стыда. Из страха, что кто-нибудь увидит, как я выхожу». Это смешно: я иду в отель к незнакомому мужчине, но боюсь витрины секс-шопа. Я не анализирую это. Просто фиксирую. Иду дальше.

Запах с Невы здесь слабее, чем на мосту. Пахнет мокрым кирпичом и откуда-то — жареным луком. Из открытого окна на втором этаже доносится телевизор — субботний выпуск новостей. Диктор говорит о ситуации в Чечне, но слов не разобрать.

Отель «Выборгская» — старое здание советской постройки, облупленный фасад, тусклая вывеска. У входа стоит мужчина в тёмном пальто. Курит. Когда я прохожу мимо, он поднимает глаза. Я не отвожу взгляд. Прохожу в дверь.

Внутри пахнет хлоркой и сырой штукатуркой. Вестибюль узкий, тёмный. Администратор за стойкой — пожилая женщина в вязаной жилетке поверх форменного платья. На стойке — табличка «Мест нет», лампа с зелёным абажуром и пепельница, полная окурков. Она поднимает глаза, скользит по моему лицу и опускает обратно. Я прохожу мимо. Она ничего не спрашивает. Здесь не спрашивают.

У лифта стоит девушка. Молодая, чуть старше меня. Светлые волосы собраны в хвост. Пальто — тёмно-синее, дороже моего. Смотрит прямо перед собой. Я встаю рядом. Мы не смотрим друг на друга, но я знаю: она тоже ждёт лифт вверх. Она тоже работает. Мы никогда не заговорим. Но мы узнаём друг друга всегда — по отсутствию багажа, по тому, как не смотрим на администратора, по тому, как пальцы сжимают ремешок сумки.

Лифт приходит. Двери открываются. Она входит первой, нажимает «3». Я вхожу следом, нажимаю «4». Двери закрываются. Мы стоим молча. Её духи — лёгкие, цветочные, не приторные. Мои — никакие. Я не пользуюсь духами на встречах. Запах остаётся на коже клиента, а я не хочу ничего оставлять.

На третьем этаже двери открываются. Она выходит, не оборачиваясь. Я еду дальше одна.

Двери открываются на четвёртом. Коридор длинный, серый, с ковровой дорожкой, протёртой до основы. Лампы горят через одну. Я иду, считая номера. 402. 404. 406. Вот он.

Я стучу. Тишина. Потом шаги. Дверь открывается.

Клиент молодой — моложе, чем я ожидала. Лет двадцать пять. Тёмные волосы, чуть влажные после душа. Белая рубашка, верхняя пуговица расстёгнута. Он смотрит на меня быстро, дёргано, переводя взгляд с лица на руки, на плечи, снова на лицо. Пальцы левой руки постукивают по дверному косяку — без ритма. Нервный. Алиса предупреждала.

— Таня? — Голос тихий, чуть сиплый.

— Да.

— Заходи.

Он отступает, пропуская меня. Я вхожу.

Номер стандартный: двуспальная кровать, застеленная бельём с бледным штампом гостиницы в углу, стол у окна, кресло с потёртыми подлокотниками, старый телевизор на тумбе. На столе — бутылка вина и два бокала. Один уже наполовину пуст. Второй чистый. Рядом — пепельница, полная окурков. Шторы задёрнуты, хотя за окном ещё не стемнело. От настенного бра с треснувшим плафоном идёт желтоватый свет. Бра жужжит. Тихо, на одной ноте, как комар. Этот звук ровно ложится под его дыхание.

Я повесила пальто на спинку стула. Поставила рюкзак на пол. Он не спросил, что внутри. Никто не спрашивал.

— Вина? — Он кивнул на бутылку.

— Нет.

— Совсем?

— Я не пью на встречах.

Он кивнул. Налил себе ещё. Рука чуть дрожала. Вино плеснулось о край бокала. Красная капля упала на белую скатерть, растеклась — медленно, как живое. Он посмотрел на неё. Ничего не сказал.

Я села в кресло. Он остался стоять у стола, держа бокал двумя руками, как греют чай. Я смотрела на него ровно. Без ожидания. Без любопытства.

— Ты... давно этим занимаешься? — спросил он.

— Какая разница?

Он издал короткий смешок — нервный, почти извиняющийся.

— Извини. Я просто не очень... — осёкся. — Я первый раз плачу за это.

Я кивнула. Это ничего не меняло.

— Ты молчишь, — сказал он. — Это хорошо. Алиса сказала: тихая. Я люблю, когда тихо.

Он поставил бокал. Подошёл к кровати, сел на край. Сцепил пальцы в замок. Костяшки побелели. Я смотрела на его руки. Мои руки лежали на подлокотниках. Дыхание было ровным.

— Ты похожа на одну женщину, — сказал он вдруг. — Она тоже молчала. Но по-другому. Как будто меня не было. А ты молчишь, как будто... ты здесь.

— Я здесь, — сказала я.

Он поднял глаза. Что-то в его лице дрогнуло.

— Можно тебя обнять? Просто обнять. Без всего.

Пальцы сжались на подлокотнике. Я хотела сказать «нет» — и сказала «да».

Он подошёл. Встал рядом. Нерешительно, как подросток, положил руки мне на плечи. Потом прижал к себе — несильно, осторожно. Я чувствовала запах его одеколона — древесный, холодный, дорогой. Его дыхание над ухом — неровное, прерывистое. Мои руки остались на подлокотниках.

— Ты тёплая, — сказал он тихо.

Мама никогда не называла меня тёплой. Меня вообще никто не называл тёплой. Может быть, он ошибся. Я промолчала.

Он отпустил меня. Отступил на шаг. Лицо было растерянное, как у ребёнка, который не получил подарок.

— Спасибо, — сказал он. — Этого достаточно.

Я кивнула. Встала. Прошла в ванную. Закрыла дверь.

В ванной пахло гелем для душа из гостиничного набора — маленький флакон, фольгированная крышечка. Я открыла кран. Вода пошла с перебоями — газовая колонка за стеной загудела, захрипела, и свет в ванной мигнул. Я замерла. Если колонка потухнет, ждать горячей воды придётся полчаса. Но она выровнялась. Свет тоже. Горячая вода полилась ровно — почти крутой кипяток. Я подставила руки. Кожа покраснела. Я смотрела на воду, стекающую по пальцам, и считала про себя. Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. На счёте «двадцать» я закрыла кран. Вытерла руки полотенцем. Полотенце было жёсткое, белое, с тиснением «Выборгская».

Я посмотрела на себя в зеркало. Лицо было обычное. Как утром. Как в аудитории. Как всегда.

Я вышла из ванной. Он всё ещё стоял у стола. Конверт лежал на скатерти — рядом с винной каплей, которая уже впиталась в ткань. Я взяла его, не пересчитывая. Знала, что там ровно столько, сколько нужно на очередной взнос. Положила в рюкзак.

— Ты уходишь? — спросил он. Голос был глухой.

— Да.

— Я могу тебе позвонить? Когда-нибудь?

— Через Алису.

Я застегнула пальто. Надела рюкзак. Поправила лямку. Он смотрел на меня. Казалось, хотел сказать что-то ещё, но не сказал. Я вышла.

В коридоре было тихо. Лампы всё так же горели через одну. Я шла к лифту. Нажала кнопку. Двери открылись.

В лифте я нажала «1». Двери закрылись. Из решётки динамика шипело. Кабина дёрнулась и поехала вниз — и вдруг я почувствовала запах. Его одеколон. Он остался на коже, под воротником пальто, там, где я не могла его стереть. Древесный, холодный. Я вдохнула — и что-то сжалось. Где-то в груди. Коротко. Без названия.

Двери открылись. Холл. Я вышла.

Девушки у лифта уже не было. Интересно, что она чувствовала в своём номере. Я оборвала мысль. Администраторша не подняла глаз. На улице шёл дождь — мелкий, сентябрьский, почти тёплый. Я раскрыла зонт и пошла к остановке трамвая. Запах уходил медленно, с каждым вдохом слабее. Через десять шагов я его уже не чувствовала.

Но в груди всё ещё сидело. Короткое. Тихое. Без названия.

Голова заболела сразу после лифта — тупая, давящая боль за глазами, как будто то, что сжалось в груди, медленно переползло в виски. Я шла по 8-й линии обратно. Витрина секс-

шопа теперь горела — розовый неон отражался в лужах. Я прошла мимо, не замедляя шаг. На углу, у аптеки с зелёным крестом, я остановилась.

В аптеке пахло спиртом и травами. За прилавком — женщина в белом халате, с усталым лицом и крашеными рыжими волосами. Она посмотрела на меня — и что-то в её взгляде изменилось. Не презрение. Не жалость. Оценка. Как будто она сканировала меня и видела больше, чем я хотела показать.

— Что нужно? — спросила она.

— Аспирин.

— Голова болит?

— Да.

Она повернулась к полке, достала упаковку — дешёвый, отечественный, в бумажной облатке. Положила на прилавок. Назвала цену. Я достала кошелёк, вынула купюру. Женщина смотрела на мои руки. На заусенец. На короткие ногти. Наверное, она видела много таких рук.

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что.

Она не улыбнулась. Я вышла.

Дома я включила чайник. Он зашумел. Я сняла пальто. Повесила на крючок. Рюкзак поставила на стул. Села на кровать.

Конверт лежал в боковом кармане. Я достала его. Открыла. Пересчитала — раз, два, три. Десять купюр по тридцать

долларов. Триста. Ровно. Я сложила их обратно.

Потом встала. Подошла к книжной полке — старой, деревянной, с отходящим шпоном. На полке стояли книги: учебник по философии, Кант в мягкой обложке, пара брошюр. Я взяла Канта. «Критика чистого разума». Тяжёлая, в твёрдом переплёте. Открыла на середине — там, где страницы были самые плотные, — и вложила конверт между ними. Закрыла книгу. Поставила на место.

Это был ритуал. Деньги не должны лежать просто так — в кошельке, в конверте, в рюкзаке. Деньги должны быть спрятаны в книге, которую никто не откроет. Никто не читает Канта. Это надёжно.

Чайник закипел и отключился. Я не стала наливать чай.

Села на стул. Смотрела в стену. На трещину от розетки к потолку. Она не изменилась. Всё та же — извилистая, как русло реки. Я знала её наизусть.

В голове всё ещё стучало. Я достала аспирин, выдавила таблетку из облатки, запила водой из-под крана. Вода была ледяная. Зубы заломило. Я не поморщилась.

Потом легла в кровать. Одеяло было холодное. Я смотрела в потолок. Там тоже была трещина — тоньше, короче, но тоже извилистая. Я считала. Раз. Два. Три.

Завтра — воскресенье. У меня нет пар. Нет встреч. Целый день, когда не нужно быть никем. Ни студенткой. Ни escort.

Я закрыла глаза. Перед внутренним взором стоял тот мужчина — не лицо, я не запоминала лиц, а руки, сцепленные в

замок, и красная капля на скатерти, и его голос: «Ты тёплая». И запах одеколона, который всё ещё сидел под воротником, хотя я знала, что он давно выветрился.

Я не знала, что буду делать завтра. Может быть, просто спать. Может быть, считать трещины.

Я уснула.

Глава 4. Взгляд, который длился

Он вошёл.

Без шапки.

*Как будто ему не
холодно.*

*Скользнул по рядам
—первый, второй, третий.*

*Дошёл до
меня.*

Замер.

Сентябрь 1999 года

В понедельник я пришла на лекцию раньше обычного.

Воскресенье прошло никак. Я проспала до полудня, чего не позволяла себе никогда. Вечером легла снова. Уснула без снов.

Утром в понедельник всё вернулось на круги. Мост, вода, два пакета, шов цел. Я шла и думала: «Ничего не изменилось». Это успокаивало.

Лекция была общеуниверситетская — «Введение в философию», — которую читали для нескольких факультетов в большой поточной аудитории. Я села на крайний ряд, у окна. Моё место. Достала конспект. Ручку. Проверила, не загибаются ли уголки страниц. Всё было ровно.

За окном шёл дождь — мелкий, сентябрьский, почти тёплый. Деревья стояли голые, мокрые. Люди шли, подняв во-

ротники. Октябрь ещё не начался, но уже чувствовался — в сырости, в ранних сумерках, в том, как свет фонарей отражался в лужах.

Аудитория наполнялась. Заходили студенты — те же, что всегда. Девушка с красным шарфом, которую я видела каждый понедельник, но имени не знала. Парень в очках, который всегда садился в первый ряд и записывал каждое слово преподавателя. Ещё несколько человек, чьи лица я узнавала, но не помнила, откуда. Они рассаживались, переговаривались, доставали телефоны — Siemens, Nokia, Motorola. У одного в руках был пейджер, он нажал кнопку, прочитал сообщение, убрал. Я сидела на своём месте. До лекции оставалось три минуты.

И тут он вошёл.

Я заметила его не сразу — сначала услышала шаги. Тяжёлые, но не грубые. Он задержался в дверях, оглядел аудиторию. Высокий, широкие плечи, тёмные волосы зачёсаны назад. Одет не как все — серый свитер, дорогой, плотной вязки. Без шарфа. Без шапки. Как будто ему не холодно.

Он не искал место. Он смотрел на людей. Медленно, спокойно, как будто кого-то ждал. Я видела, как его взгляд скользил по рядам — первый, второй, третий. Потом он дошёл до меня.

И замер.

На секунду. На одну долгую секунду.

Я не отвела глаза. Я никогда не отводила глаза первой. Он

отвёл взгляд.

Прошёл и сел через ряд от меня, ближе к двери.

Я смотрела в конспект. Буквы стояли ровно. Я перечитала верхнюю строчку. Ничего не изменилось.

Но что-то изменилось.

Лектор вошёл минута в минуту. Тот же серый костюм, то же пятно на лацкане — кажется, от ручки. Я заметила это ещё в прошлом году. Пятно не менялось. Он начал лекцию — что-то про Канта, про категорический императив. Я записывала. Ручка двигалась ровно. Строчки ложились одна под другой.

Через пятнадцать минут лектор задал вопрос. Никто не поднял руку. Тогда я подняла. Он кивнул. Я ответила — коротко, по существу. Он поправил меня в одном месте, я записала поправку. Он спросил, согласна ли я. Я сказала: «Да». Он кивнул. Всё.

И тут я почувствовала взгляд.

Тот парень. Он не смотрел на лектора. Он смотрел на меня.

Я дописала предложение. Перечитала. Буквы были ровные. Но я не могла вспомнить, о чём оно. Пришлось перечитывать ещё раз.

Он отвёл взгляд только когда лектор снова заговорил.

После лекции я собирала вещи медленнее обычного. Конспект в пакет. Ручку в пенал. Пенал в рюкзак. Я не смотрела в его сторону. Я слышала, как он встал, как шаги прошли к

двери и стихли в коридоре.

Я вышла из аудитории. В коридоре было пусто. Лампы гудели. Из приёмника на вахте тихо играла песня — «Ясный мой свет», женский голос, высокий, чуть дрожащий. Про осень, про дождь, про то, что всё проходит. Я пошла к лестнице и думала о том, что у меня зачёт в среду и надо дочитать параграф.

Но когда я вышла на улицу, холод ударил в лицо. Я поправила шарф. Перешла дорогу. Дошла до моста.

На мосту ветер был сильнее. Вода внизу — чёрная, тяжёлая. Я остановилась на середине, положила руки на перила. Чугун был ледяной. Я стояла минуту. Потом убрала руки и пошла дальше.

Вечером у меня не было встречи. Я вернулась домой, включила чайник. Села на стул. Достала конспект. Перечитала написанное. Буквы стояли ровно. Я закрыла конспект.

Чайник закипел. Я не встала.

Через два дня я снова его увидела.

Я шла по коридору после семинара. Он стоял у окна с двумя другими студентами. Один что-то рассказывал, размахивал руками — кажется, про футбольный матч. Второй смеялся. Он слушал, кивал, но сам не смеялся. Когда я проходила мимо, он поднял глаза. Я не замедлила шаг. Он тоже. Просто посмотрел. Я прошла дальше.

В столовой пахло щами и подгорелым маслом. Я сидела одна, за дальним столиком, пила чай — жидкий, сладкий,

почти без заварки. Он вошёл, взял поднос, встал в очередь. Я заметила его руки — крупные, с длинными пальцами. Он держал поднос так, будто тот ничего не весил. Потом сел через два стола от меня. Я смотрела в свою чашку. Чай остыл. Я не пила.

Один раз он поднял голову. Я отвела взгляд — на секунду позже, чем нужно. Когда я снова посмотрела в его сторону, он уже встал и уходил. На столе осталась пустая чашка. Рядом — смятая салфетка. Я заметила, что он не убрал за собой поднос. Не потому, что неаккуратный. Просто забыл.

В пятницу, через неделю после той лекции, он ждал меня у выхода из аудитории.

Я выходила последней — задержалась, переписывала выводы. Он стоял у лестницы, прислонившись спиной к перилам. Когда я появилась, он выпрямился. Без шапки, как всегда. Серый свитер был тот же, что на лекции.

— Таня, — сказал он.

Не спросил. Сказал. Значит, узнал моё имя.

— Да, — сказала я.

— Меня Димой зовут. Я с философского, третий курс.

Я кивнула.

— Я тебя видел на лекции, — сказал он. — Ты отвечала про Канта. Ты всегда так отвечаешь? Коротко, по существу?

— Да.

Он чуть улыбнулся. Улыбка была неровная — левый уголок рта поднялся выше правого.

— Я тоже так хочу. Но у меня не получается. Я начинаю, а потом ухожу в сторону. Преподаватель говорит: «Ближе к делу». А я не могу ближе. У меня всегда есть ещё одна мысль.

Я молчала. Он посмотрел на меня — не в глаза, а чуть выше, на лоб, на волосы. Как будто разглядывал. Я заметила, что у него тонкая складка между бровей — не от хмурости, а от привычки прищуриваться, когда слушаешь. Он не щурился сейчас, но складка осталась.

— У тебя конспект всегда такой ровный? — спросил он вдруг.

— Что?

— Я видел твой конспект. На лекции. Ты пишешь, как по линейке. Ни одной пометки.

Я не знала, что ответить. Никто не замечал моего конспекта. Никто не смотрел на мои строчки, кроме меня.

— Я не люблю пометки, — сказала я.

— Это потому что ошибаться нельзя?

Я открыла рот. Закрыла. Сжала челюсть. Отпустила.

— Я ошибаюсь, — сказала я. — Но переписываю.

Он кивнул. Ничего не сказал. Потом:

— Можно я тебя угощу кофе? Тут в переходе есть место. Недорого.

— Хорошо, — сказала я.

Мы вышли из корпуса. На улице моросил дождь — мелкий, почти невесомый. Дима поднял капюшон — простой, чёрный, без меха. Я раскрыла зонт. Он шагнул ближе, под

край зонта, и стало тесно. Я почувствовала запах — не одеколон, не гель для душа. Просто запах человека. Сухой, чуть горьковатый. Никакого одеколona.

Кафетерий был в подвальном этаже, без окон. Пахло растворимым кофе и старым маслом. На стене висел календарь за 1998 год, открытый на октябре, с видами Крыма. Никто не перевернул. Мы сели за угловой столик. Дима взял два кофе — чёрный, в гранёных чашках. Единственное, что здесь было.

Когда он ставил чашки, я заметила его руки. Костяшки чуть красноватые, будто он долго держал их на холоде. Он обхватил чашку обеими ладонями и не пил — грел. Большие пальцы лежали на ободке, и я видела, как чуть заметно дрожит левый. Не от холода. Просто такая привычка.

— У тебя холодные руки, — сказала я.

— Всегда холодные. — Он пожал плечами. — Не знаю почему. Даже летом.

Я кивнула. Отпила кофе. Он был слабый, горький, но горячий. Тепло прошло внутрь, и я вдруг заметила, что у меня замёрзли ноги. Я не чувствовала этого весь день, а сейчас, в тепле подвала, ступни заныли. Я не пошевелилась.

Дима молчал. Не задавал вопросов. Не пытался заполнить паузу. Он смотрел в свою чашку, потом на стол, потом на календарь с Крымом, но не изучал его — просто давал глазам покоиться. Я заметила, что он не барабанит пальцами, не качает ногой. Он умел сидеть в тишине. Это было редкое

умение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.